

С характерным звуком «чирик» упаковка чемодана была завершена.

Тань Мэнси выпрямился, опустил руки и молча замер, простояв так целых пять минут. Юй Сюй прислонился к косяку двери, спокойно затягиваясь сигаретой, и за клубами дыма его выражение лица казалось смутным и неразборчивым.

В доме снова воцарилась тишина, ставшая еще более удушливой — словно перед летней грозой на закате.

Тань Мэнси стоял без движения, его спина и кончик носа покрылись испариной, а сердце колотилось в бешеном, тревожном ритме. Ему хотелось сохранить эту тишину, похожую на незримое противостояние. К сожалению, ему нужно было перевести дух и сделать следующий шаг, чтобы выжать максимум из своего «натиска» и одновременно получить хоть какую-то опору, чтобы объяснить собственные поступки. Он не поднимал головы и не смотрел на собеседника, однако прекрасно знал, что тот неотрывно наблюдает за ним.

Мысленно Тань Мэнси взмолился: «Только не смотри на меня».

Разве пострадавшая сторона не должна хоть в чем-то обвинить обидчика?

Из-за этого молчания он выглядел особенно упрямым и самодурным, а его онемевшим рукам и ногам словно некуда было деться.

Юй Сюй двинулся первым — не выдержав, он издал тихое, насмешливое фырканье.

Сжавшееся в комок сердце Тань Мэнси немного отпустило, он подхватил чемодан и направился к входной двери.

Вдруг Юй Сюй произнес:

— Ты думаешь, это роман, фильм или сериал? Ты благословишь меня, я благословлю тебя, махнем хвостами на прощание, и останемся друзьями?

Тань Мэнси остановился. Он не знал, какое у него сейчас лицо, но выражение лица Юй Сюя считывалось предельно ясно.

Юй Сюй чуть приподнял подбородок, неестественно кривя уголкой рта уголки губ, изо всех сил пытаясь сохранить дружелюбное и спокойное выражение.

Тань Мэнси тихо опустил чемодан, и его тело разом обмякло, как сдувшийся мяч:

— Я стараюсь причинить как можно меньше боли...

Юй Сюй бросил короткое «ага» и добавил:

— Я тебя благословляю.

— Что-то не похоже, — Тань Мэнси задержал на нем взгляд.

Улыбка Юй Сюя была мелкой и фальшивой, а глаза покраснели до предела. Взгляд, которым он смотрел на Тань Мэнси, полыхал яростью. Тань Мэнси чувствовал: Юй Сюй еще не дошел до точки взрыва, но как только достигнет ее, он вцепится зубами, разорвет его на части, а потом закопает прямо на месте, да еще и сверху несколько раз злобно пнет.

Юй Сюй задал вопрос, прекрасно зная ответ:

— С чего бы это мне тебя благословлять?

— Потому что я хочу расстаться, — ответил Тань Мэнси.

— Хотя у тебя совесть есть, — Юй Сюй кивнул и посмотрел на чемодан Тань Мэнси. — Мы так давно не выбирались в путешествие.

— Было слишком много работы, и то снаряжение для кемпинга, что мы купили три года назад, до сих пор не распаковано. Пять лет назад мы говорили, что разбогатеем и поедем в заснеженные горы смотреть на звезды. А теперь мы всё еще стоим здесь.

Юй Сюй ничего не ответил.

Тань Мэнси вдруг почудилось, будто Юй Сюй — некий предводитель, поймавший его с поличным. Он — трус, бежавший во время вражеского вторжения, дезертир любви.

«Предводитель» начал допрос:

— Куда ты направляешься?

Тань Мэнси честно ответил:

— Туда, где нет людей.

Юй Сюй уже собирался продолжить допрос, как вдруг зазвонил телефон.

В течение дня звонков по работе было масса; он не отвечал, но телефон надрывался снова. Нажав кнопку бесшумного режима, Юй Сюй уселся прямо на чемодан Тань Мэнси.

Тань Мэнси растерянно хлопал глазами.

Юй Сюй медленно поднял голову, его глаза были сплошь иссечены алыми прожилками:

— Поедем вместе.

Тань Мэнси был готов подпрыгнуть от радости.

— Не переживай, ты ведь хотел красивое расставание в качестве подарка на день рождения — я тебе его устрою, — Юй Сюй задумался. — Как это назвать? Точно — путешествие на расставание.

Один чемодан занял целый багажник.

Вещи Юй Сюя были собраны гораздо тщательнее, чем у Тань Мэнси: он никуда не спешил, демонстрируя настрой на комфортную поездку, и захватил с собой массу предметов быта. Растворимый кофе, лекарства, снеки и прочее, а также тот самый флакон духов.

Они тронулись в путь посреди ночи.

Тань Мэнси сидел на пассажирском сиденье, его запястья так сильно дрожали от волнения, что он несколько раз не мог вставить ремень безопасности в замок.

Юй Сюй повернул ключ зажигания и ухватился за руль:

— В какую сторону едем?

Тань Мэнси закусил нижнюю губу:

— Сначала просто выедем отсюда.

Машина плавно сдвинулась с места и покинула тесную ночную парковку.

Тань Мэнси повернул лицо, прижавшись обеими руками к автомобильному стеклу, чтобы вблизи насладиться этим мгновением.

Фонарей на улице было немного, большая часть района утопала в крошечной тьме, и лишь в

нескольких окнах горел свет. Он мог бы пройти здесь с завязанными глазами, точно зная, какие предметы валяются в темноте и какова форма клумб по обе стороны дороги.

Каждый день он выходил из дома строго по расписанию, усаживался на водительское кресло и механически крутил руль.

Дорожная ситуация у ворот жилого комплекса вечно оставляла желать лучшего, особенно в утренний час пик. Узкая улочка с трудом вмещала двустороннее движение, а тротуары превращались в два бревна через ручей, на которых студенты, прогуливающиеся старики и офисные работники прижимались друг к другу грудью и спинами.

Как и остальные сидевшие в машинах люди, он нажимал на тормоз, отмеряя миллиметры, и со временем привык настолько, что подъемы стопы больше не вызывали судорог. Ползя черепашным шагом, он имел массу свободного времени, но ему было лень делать крюк ради большего выбора, и он неизменно покупал две палочки ютя и стакан соевого молока, годами наскоро умиряя свой больной желудок с нарушенным кислотно-щелочным балансом.

Зелень над головой вовсе не была кронами деревьев — это была первая грозовая туча, которую жизнь с утра пораньше выгружала ему прямо на макушку.

Добравшись до ворот жилого комплекса, они заметили «знакомого».

Управляющая компания в их старом районе существовала лишь для галочки, и чистота в подъездах держалась исключительно на сознательности жильцов. Как-то раз ранним утром Тань Мэнси торопился на работу, лифт был медленным и забитым до отказа, и он побежал по лестнице. На ходу он доедал тост и запивал молоком, как вдруг, всего за два пролета до выхода, зазвонил телефон. Освободив правую руку, чтобы ответить, он случайно выронил упаковку на пол. Нагнувшись, чтобы подобрать ее, он услышал, как сверху спускается сосед-старик, вышедший на утреннюю зарядку. Старик принялся яростно отчитывать Тань Мэнси, тут же повесив на него ярлык «а это опять ты». Кто-то изо дня в день бросал мусор прямо в подъезде, и Тань Мэнси «замел за мусором» как раз в тот момент, когда старик проходил мимо. Тань Мэнси, человек робкий и совестливый, мало того что подобрал мусор, так еще и покраснел до корней волос, а потом жаловался Юй Сюю, что тогда ему действительно следовало бы ответить старику пару ласковых. Проявить агрессию по отношению к Тань Мэнси было все равно что плюнуть в лицо Юй Сюю. Юй Сюй отправился разбираться со стариком, но тот страдал тугоухостью и принялся распекать его за неуважение к старшим, и в итоге они препирались добрых три сотни раундов. С тех пор дурная слава Юй Сюя и Тань Мэнси прогремела на весь комплекс. Стоило Тань Мэнси завидеть этого деда, как он давал круг через восемь дворов, смертельно боясь снова услышать брань в свой адрес.

Охранник у ворот, скорее всего, спал — Юй Сюй дважды посигналил, но шлагбаум так и не поднялся.

С каменным лицом и раздраженным «цыканьем», Юй Сюй уже собирался выйти из машины, чтобы постучать в окно караулки...

Как вдруг старик опередил их и сам постучал в стекло.

<http://bllate.org/book/26050/3119085>